

Возможно, в другой жизни

Автор:

[Тейлор Дженкинс Рейд](#)

Возможно, в другой жизни

Тейлор Дженкинс Рейд

В свои двадцать девять лет Ханна понятия не имеет, чего хочет от жизни. Она жила в шести городах и сменила бесчисленное количество работ. После возвращения в Лос-Анджелес в один из вечеров она встречается в баре с подругой детства и своим бывшим парнем. После полуночи оба предлагают ей покинуть заведение. Ханна колеблется. Что будет, если она пойдет с Габби? А если с Итаном?

С этого момента ее жизнь развивается по двум разным сценариям. Ханна переживает последствия каждого решения.

Тейлор Рейд

Возможно, в другой жизни

Taylor Jenkins Reid

Maybe in Another Life

© 2015 by Taylor Jenkins Reid

© Лебедева Н., перевод на русский язык, 2019

* * *

Эрин, Джулии, Саре, Тамаре и всем прочим женщинам, с которыми меня свела судьба. Пусть нам повезет встретиться в других вселенных

Хорошо, что я забронировала место у прохода, ведь я, как водится, самая последняя. Опаздывать вошло у меня в привычку. Потому-то я и выбрала сиденье с краю – ненавижу, когда людям приходится вскакивать, чтобы пропустить меня. Я и в кинотеатре не бегаю в туалет... предпочитаю терпеть до конца.

Я иду по проходу, крепко прижимая к себе сумку – не дай бог кого-нибудь задеть! Свое место я вижу сразу. Только оно и осталось свободным.

В самолете душно. Народ о чем-то переговаривается вокруг, распихивая свои вещи.

Я усаживаюсь на место, приветливо улыбнувшись соседке. Она явно старше меня. Чуть полновата, волосы с проседью. Я ставлю перед собой сумку и пристегиваюсь. Поднос поднят, спинка сиденья тоже. Все это дело нескольких секунд. Когда регулярно опаздываешь, знаешь, как наверстать время.

Я смотрю в окно. Грузчики кутаются в теплые куртки. Счастье еще, что я переселяюсь в город с более мягким климатом. Я беру журнал и принимаюсь рассеянно его листать.

Наконец до меня доносится гул мотора. Самолет начинает разбег. Моя соседка судорожно сжимает ручки кресла. Такое чувство, что от испуга она просто окаменела.

Сама я не боюсь летать. Меня пугают акулы, ураганы и прочие неприятные вещи. Еще я боюсь, что так и потрачу свою жизнь впустую. Но летать мне ни

капельки не страшно.

У соседки от напряжения даже костяшки пальцев побелели.

– Похоже, полеты – не ваш конек? – спрашиваю ее я. Когда мне страшно, разговор помогает снять напряжение. Почему бы и ей не отвлечься немного?

– Увы, – с сожалением улыбается она. – Я не часто выбираюсь из Нью-Йорка. Это мой первый полет в Лос-Анджелес.

– Ну а я летаю чаще частого и могу сказать, что только посадка и взлет даются нелегко. Около трех минут в начале и пять минут в конце. А в остальном похоже на поездку в автобусе. Восемь неприятных минут, и вы в Калифорнии.

Самолет накренился, взлетая. По проходу покати́лась чья-то бутылка из-под воды.

– Всего восемь минут? – переспрашивает соседка.

– Именно, – киваю я. – Вы сами из Нью-Йорка?

Она кивает в ответ.

– А вы?

– Жила какое-то время в Нью-Йорке, – пожимаю я плечами. – Теперь возвращаюсь в Лос-Анджелес.

Самолет теряет на мгновение высоту, после чего выравнивает полет. Соседка судорожно вздыхает. Признаться, даже я чувствую легкую тошноту.

– В Нью-Йорке я провела всего девять месяцев, – чем больше я говорю, тем меньше она отвлекается на тряску. – Мне пришлось много помотаться по стране. Училась я в Бостоне, потом перебралась в Вашингтон, потом в Портленд, штат Орегон. Затем были Сиэтл, Остин и Нью-Йорк. Город, в котором сбываются мечты... Увы, только не мои. Но выросла я в Лос-Анджелесе и теперь, так сказать, возвращаюсь к истокам. Не уверена, правда, могу ли я назвать этот

город своим домом.

– А где ваши близкие? – Она все так же смотрит вперед, изо всех сил вцепившись в подлокотники.

– Родители уехали в Лондон, когда мне было шестнадцать. Мою младшую сестру Сару приняли в Королевскую школу балета, и они не могли упустить такой шанс. Ну а я осталась заканчивать школу в Лос-Анджелесе.

– Вы что, жили совсем одна?

Похоже, сработало. Она все-таки отвлеклась.

– Я жила у своей лучшей подруги, пока не закончила школу. А потом поступила в университет и уехала в Бостон.

Самолет выравнивается, и нам тут же объявляют, что высота набрана. Моя соседка облегченно откидывается на спинку кресла.

– Видите? – говорю я. – Все равно что прокатиться на автобусе.

– Спасибо, – улыбается она.

– Всегда пожалуйста. – Я снова берусь за журнал.

– Почему вы так часто переезжаете с места на место? Вас это не утомляет? – спрашивает она и тут же смеется над собой. – Смотри-ка, стоило мне успокоиться, и я сразу повела себя как заботливая мамочка.

– Нет-нет, все в порядке, – улыбаюсь я.

Я и правда часто меняю города, но делаю это не специально. Мною движет неотвязное чувство – ощущение того, что это не мое место.

Всегда кажется, что где-то еще мне будет лучше.

– Даже не знаю, – произношу я. Трудно облечь свои чувства в слова, тем более когда говоришь с незнакомкой. Внезапно я решаюсь.

– Я нигде не чувствую себя как дома.

– Сочувствую, – говорит она, – должно быть, это нелегко.

Я пожимаю плечами. В конце концов, это только импульс. Именно он побуждает меня бросать плохое, устремляясь к чему-то лучшему.

Впрочем, я уже давно не в восторге от своих импульсов. Что, если они заведут меня куда-нибудь не туда?

И тут – раз уж мы все равно больше не увидимся – я вываливаю на соседку то, что сама осознала лишь недавно.

– Боюсь, мне так и не найти место, которое я смогла бы назвать домом.

Она легонько похлопывает меня по руке.

– Вы еще так молоды. У вас впереди масса времени.

Мне двадцать девять. Или она считает, что это еще не возраст, или я выгляжу моложе своих лет.

– К концу полета, когда самолет пойдет на посадку, мы сможем обсудить мою незадавшуюся карьеру, – со смехом говорю я. – Это хоть немного отвлечет вас.

– Буду весьма признательна, – с улыбкой отвечает она.

* * *

Я делаю шаг за ворота терминала и сразу вижу Габби. В руках у нее табличка с надписью «Ханна Мария Мартин», как будто я без того не знаю, кто повезет меня домой.

Рядом с именем Габби изобразила некое подобие моего портрета. Получилось грубовато, но довольно точно. У Ханны с ее рисунка большие глаза, длинные ресницы и крохотный носик. Волосы на голове затянуты в высокий пучок. Вместо фигуры – палочка, к которой пририсована большая грудь.

Не то чтобы это соответствовало моему представлению о самой себе, но если свести мой образ к карикатуре, я буду высоким пучком волос и большой грудью. Как Микки-Маус – это круглые ушки и руки в перчатках, а Майкл Джексон – белые носки и черные туфли.

Я бы предпочла, чтобы портрет отобразил мои темно-каштановые волосы и светло-зеленые глаза, но о каких цветах может идти речь, когда рисуешь черным маркером?

В гостях у Габби я не была уже года два – с момента ее свадьбы. Но каждое воскресенье, несмотря на предстоящие дела или вчерашнее похмелье, мы болтали с ней в видеочате. Ничего надежнее и стабильнее в моей жизни просто не было.

Габби худенькая, как тростинка. Волосы коротко острижены, на теле – ни грамма жира. Прижимая ее к себе, я вновь поражаюсь тому, до чего же странно обниматься с кем-то, кто гораздо ниже тебя. Со стороны мы, должно быть, выглядим очень забавно. Я высокая, фигуристая, белокожая. Габби низенькая, худенькая, с темной кожей.

Даже без макияжа Габби выглядит как картинка. Но я ей об этом не говорю, потому что и без того знаю, что услышу в ответ. Какая разница, возразит она. Нет смысла осыпать друг друга комплиментами или соревноваться за то, кто из нас привлекательнее. Надо сказать, что по сути она права.

С Габби мы познакомились, когда нам было по четырнадцать. В старших классах нас усадили за одну парту. Подружились мы практически мгновенно и с тех пор были неразлучны. Габби и Ханна, Ханна и Габби. Наши имена все время звучали вместе.

Я перебралась жить к ее родителям, Карлу и Тине, когда моя собственная семья переехала в Лондон. Карл и Тина обращались со мной как с родной дочерью. Они помогали мне с подготовкой в университет и следили за тем, чтобы я всегда

выполняла домашние задания. Карл надеялся, что когда-нибудь я стану доктором – как он сам и его отец. К тому моменту он уже понял, что его родная дочь не пойдет по его стопам. Габби решила заняться общественной деятельностью. Тина, в отличие от него, поощряла мои поиски собственного пути в жизни. К несчастью, я до сих пор не знаю, что это за путь. Тогда же мне казалось, что все сложится само собой.

А потом мы разъехались по разным университетам. Габби в Чикаго, я в Бостон. Мы по-прежнему часами болтали по телефону, но при этом начали выстраивать свою, независимую жизнь. Габби в скором времени сдружилась с Ванессой, еще одной темнокожей студенткой. Она рассказывала мне про их поездки в торговый центр, про веселые студенческие вечеринки. Я даже забеспокоилась, что Ванесса может занять мое место в сердце Габби, что их дружба затмит нашу.

– Думаешь, Ванесса понимает тебя лучше, чем я? – вырвалось как-то у меня. – Потому что вы обе темнокожие.

В ту же секунду щеки у меня заалели от стыда. Будь мои слова чем-то вещественным, я бы сразу запихала их обратно.

Габби только посмеялась надо мной.

– Ты думаешь, люди с белой кожей понимают тебя лучше, чем я, только потому что они белые?

– Нет. Конечно, нет.

– Ну и успокойся.

Так я и сделала. Габби всегда знала, когда мне стоит успокоиться. По правде говоря, это единственный человек, который разбирается во мне лучше меня самой.

– Вряд ли я ошибусь, – замечает она теперь, – если скажу, что нам потребуется одна из этих вместительных тележек, чтобы забрать все твои вещички.

Я невольно улыбаюсь.

– В свое оправдание могу сказать, что переезжаю с одного конца страны на другой.

Я уже давно перестала покупать мебель и начала снимать квартиры с полной обстановкой. Что толку приобретать ту же кровать, если через полгода ты вынуждена продать ее за бесценок? Выброшенные на ветер деньги. Но кое-какие из моих вещичек сумели пережить эти бесконечные метания по стране. Было бы жестоко избавиться от них прямо сейчас.

– Хочешь угадаю? Наверняка тут не меньше четырех флаконов апельсиново-коричного лосьона для тела, – говорит Габби, забирая с ленты одну из моих сумок.

– Всего одна. Я здорово поиздержалась.

Лосьоном для тела я начала пользоваться в старших классах. С Габби мы бродили от магазина к магазину, приносясь к разным запахам. Но в итоге я всегда выбирала один и тот же – апельсиново-коричный. Один раз, помню, у меня на полке выстроилось сразу семь флаконов.

Уложив наконец все мои сумки на тележку, мы направляемся в сторону парковки. Тут мы перекладываем все в крохотный автомобильчик Габби, а затем и сами устраиваемся на сиденье.

По пути мы беседуем о всякой всячине. Габби спрашивает, как прошел перелет, и спешит извиниться за то, что гостевая комната у нее слишком маленькая. Я, в свою очередь, благодарю ее за то, что вообще согласилась приютить меня.

История повторяется. Прошло больше десяти лет, а мне вновь приходится рассчитывать на гостеприимство Габби и ее близких. Только теперь это не родители Габби, а ее муж Марк. Именно это обстоятельство, как никакое другое, подчеркивает разницу между нами. За прошедшие годы Габби вышла замуж и сделала неплохую карьеру. А я? Я все еще официантка. Причем не очень хорошая.

Как только мы выезжаем на шоссе, и Габби понимает, что деваться мне уже некуда, она тут же спешит задать вопрос, который давно крутится у нее на языке.

- Так что случилось? Ты сказала ему, что уезжаешь?

- Ему известно, что я не хочу его видеть, - говорю я, не глядя на нее. - Так какая разница, знает он о моем отъезде или нет?

Габби одобрительно кивает.

Больше всего я нуждаюсь сейчас в ее одобрении. На свое мнение мне трудно полагаться. Обстоятельства в последнее время складывались так, что я едва не утратила уважение подруги.

А все потому, что стала встречаться с женатым мужчиной.

Поначалу я не знала, что он женат. Сам-то он об этом и словом не обмолвился. Про таких говорят, прирожденный лжец. Признаться, я быстро заподозрила истину, но предпочла оставить все как есть.

Как-то раз он в течение недели не отвечал на мои звонки. А потом объявился как ни в чем не бывало. Я заподозрила, что у него есть другая, когда он не разрешил мне воспользоваться своим телефоном. Я догадалась, что я и есть другая, когда в одном из ресторанов он встретил своего коллегу, но вместо того, чтобы познакомить нас, под благовидным предлогом увел меня из зала.

Конечно, Габби тоже было обо всем известно. Я не стала скрывать от нее своих подозрений.

- Думаю, что он женат, - призналась я, глядя в монитор на хмурое личико Габби.

- Я давно тебе говорила, что он женат. - Габби с трудом скрывала раздражение. - Я сказала тебе об этом еще три недели назад. Надо было сразу порвать с ним. Нельзя просто так уводить мужей из семьи. Нельзя, чтобы он обращался с тобой как с какой-то дешевкой.

– Я знаю, знаю. Но я думала, если он женат, то должен сам сказать мне об этом. Я не хочу спрашивать его в лоб – это слишком унижительно.

– Ханна, пора завязывать с этой интрижкой. Я не шучу. Ты чудесная женщина, но сейчас ты совершаешь ошибку. Пора уже признать это.

Я выслушала ее, но как-то вполуха.

– Нет, – сказала я наконец. – Думаю, тут ты не права. Мы с Майклом встретились в баре, в среду вечером. Ты знаешь, я редко выбираюсь из дома по средам. А уж Майкл тем более! Разве можно назвать нашу встречу случайной?

– Ты шутишь, правда?

– С какой стати? Я говорю о том, что принято называть судьбой. Предположим, он действительно женат...

– Так и есть.

– Мы не знаем наверняка. Допустим, это так...

– Именно так.

– Допустим, он женат. Это еще не значит, что нам не суждено быть вместе. Просто обстоятельства сложились так, а не иначе. В этом нет ничего страшного.

Я видела, что Габби во мне разочарована. Это читалось в повороте ее головы, в недовольно поджатых губах.

– Я даже не знаю наверняка, женат ли он, – добавила я.

Я знала это. Знала, но предпочла спрятать голову в песок.

– Даже если он женат, это еще не значит, что я подхожу ему меньше, чем та, другая женщина. В любви, как на войне, все средства хороши.

А через две недели мне позвонила его жена.

Так уже было раньше, кричала она в трубку. Ей известно о других его любовницах.

А известно ли мне о том, что у него двое детей?

Этого я не знала.

Нетрудно оправдать свое поведение, если не знаешь тех, кому делаешь больно. Нетрудно отдать предпочтение себе, когда этот другой – абстрактная фигура.

Потому-то мне и не хотелось углубляться в детали моего романа.

Я продолжала играть в привычные всем нам игры – «пусть так, но...» и «мы не знаем наверняка». Я смотрела на мир сквозь розовые очки.

А потом их будто сдернули с моего лица, и я вдруг отчетливо увидела, что же я натворила.

Так ли уж важно, что я повела себя достойно, оказавшись лицом к лицу с истиной? Так ли уж важно, что я порвала с Майклом после звонка его жены?

Моя вина уже не является для меня тайной, и я глубоко раскаиваюсь в том, что пошла на поводу у чувств.

Габби считает, что важно. Ей кажется, что тем самым я искупила свою вину. Лично я в этом не уверена.

Стоило Майклу исчезнуть из моей жизни, и я поняла, что с Нью-Йорком меня мало что связывает. Зимы здесь ветреные и холодные, и вокруг – ни единого дружеского лица. Сразу после разрыва с Майклом я то и дело названивала родителям и Саре. Не из желания пожаловаться на жизнь, а просто чтобы услышать родные голоса. Но из-за разницы во времени нам редко удавалось пообщаться напрямую.

А на прошлой неделе неприятности посыпались одна за другой. Девушка, у которой я снимала квартиру, предложила мне освободить ее в двухнедельный срок. Мой босс решил приударить за мной и намекнул, что покладистые девушки могут рассчитывать на самые удобные смены. Майкл продолжал названивать и оставлять сообщения. Он настаивал на встрече. Говорил, что хочет бросить жену ради меня. Стыдно признаться, но от его слов я почувствовала себя чуточку лучше... хоть и ощутила при этом весь ужас своего положения.

Тогда я позвонила Габби. И расплакалась прямо в трубку. Я призналась, что жизнь в Нью-Йорке складывается совсем не так, как хотелось бы. Я сказала, что мне нужны перемены.

- Возвращайся домой, - предложила она.

Лишь спустя пару мгновений я поняла, что Габби говорит про Лос-Анджелес. Я-то уже давно перестала считать свой родной город домом.

- Ты имеешь в виду Лос-Анджелес? - на всякий случай уточнила я.

- Да, - сказала она. - Возвращайся домой.

- Но там же Итан, - заметила я.

- Что с того? Чем тебе может грозить ваша встреча? Итан хороший парень.

- У вас там тепло, - вздохнула я, разглядывая в окно снежное месиво на дороге.

- Это точно, - откликнулась Габби.

- Но смена городов не решит мою проблему. - Я впервые озвучила вслух эту мысль. - Я сама должна измениться.

- Так приезжай сюда и меняйся, - сказала Габби.

Что-то в этом есть, подумала я.

Вот и теперь, не отрывая взгляда от дороги, Габби на мгновение сжимает мою руку.

– Я горжусь тем, что ты возвращаешь себе контроль над своей жизнью, – заявляет она. – Сам факт того, что ты села этим утром в самолет, говорит в твою пользу.

– Ты так думаешь?

Она кивает.

– Лос-Анджелес примет тебя как родную. Просто позор, что мы так долго жили вдали друг от друга. Пришло время исправить эту несправедливость.

Я смеюсь. Пытаюсь убедить себя в том, что мой приезд – победа, а не поражение.

Мы сворачиваем на улицу, ведущую к дому Габби, и она паркуется у тротуара.

Я смотрю в окно и вижу, как из дверей одного дома выходит Марк.

Он высок и по-мужски привлекателен. Сама я всегда тяготела к парням с выразительными глазами и намеком на щетину. Мне казалось, и Габби нравятся такие же. И все же она вышла замуж за Марка, который всегда безупречно выбрит и безукоризненно одет. Он из тех парней, которые ходят в спортзал, чтобы поддержать здоровье. Явно не мой вариант.

Я открываю дверцу машины и хватаю одну из сумок. Габби берет вторую. В этот момент к нам подходит Марк.

– Ханна! – Он крепко обнимает меня. – До чего же я рад тебя видеть!

Он забирает оставшиеся сумки, и все вместе мы идем к дому. Переступив через порог, я первым делом окидываю взглядом гостиную. Она выдержана в нейтральных тонах, с отделкой из дерева. Неброско, но очень эффектно.

– Твоя комната наверху, – говорит Габби.

Втроем мы поднимаемся по узкой лесенке на второй этаж. В одном конце коридора хозяйская спальня, в другом гостевая.

Габби и Марк ведут меня в гостевую спальню, где мы сгружаем все наши сумки.

Комнатка не такая уж большая, но очень уютная. У стены кровать с белым пышным одеялом. Здесь же примостился стол, а напротив висится платяной шкаф.

Время уже позднее, так что Габби и Марк наверняка устали.

- Отправляйтесь спать, - говорю я им. - Я тут сама разберусь.

- Справишься? - спрашивает меня Габби.

- Конечно.

Марк обнимает меня на прощание и уходит к себе в спальню. Габби решает задержаться на минутку.

- Я так рада, что ты здесь, - говорит она. - Я всегда надеялась, что рано или поздно ты вернешься домой. Хотя бы на время. Мне нравится, когда ты рядом.

- Что ж, твоя мечта исполнилась, - улыбаюсь я. - Теперь я даже ближе, чем ты могла рассчитывать.

- Не говори глупостей, - качает головой Габби. - Живи тут хоть до самой старости. - Она обнимает меня и направляется к двери. - Если встанешь раньше нас, можешь смело хозяйничать на кухне.

Она уходит, а я хватаю сумку с туалетными принадлежностями и спешу в ванную.

Свет здесь такой яркий, что его вполне можно назвать безжалостным. Рядом с раковиной лежит увеличительное зеркало. Я беру его и принимаюсь внимательно изучать лицо. Конечно, брови стоило бы подправить, но в целом все

выглядит очень даже неплохо. Я начинаю опускать зеркальце, и тут взгляд мой цепляется за одну деталь.

Я оттягиваю кожу у глаза, не желая верить увиденному. Но нет, ошибки быть не может.

У меня наметились первые морщинки.

У меня нет ни квартиры, ни постоянной работы. Нет прочных отношений и города, который я могла бы назвать родным. Я понятия не имею о том, что мне делать со своей жизнью и к чему стоит стремиться. И все же время сумело подкараулить меня. Моя не самая упорядоченная жизнь отразилась на моем лице.

У меня появились морщинки.

Я кладу зеркало на место и принимаюсь чистить зубы. Пора уже купить ночной крем и начать пользоваться им. Приняв это решение, я забираюсь в постель.

Может, жизнь моя не очень удалась. И сама я склонна принимать порой неверные решения. Но я не собираюсь лежать здесь ночь напролет, беспокоясь о будущем.

Засыпаю я практически мгновенно, в надежде на то, что завтра все будет чуточку лучше. Завтрашний день принесет мне новые решения.

Завтра я начну свою жизнь с чистого листа.

* * *

Я просыпаюсь от телефонного звонка. Вся комната залита солнечным светом.

– Итан! – шепчу я в трубку. – Девять утра! Суббота.

– Верно, – раздается его приглушенный голос. – Но ты же еще живешь по нью-йоркскому времени, а там уже полдень. Пора вставать.

- Пусть так, - шепчу я, - но Габби и Марк еще спят.

- Когда мы увидимся? - спрашивает он.

* * *

С Итаном мы встретились на школьном балу, когда я училась в старших классах.

В то время я еще жила с родителями. Помню, Габби предложили в тот вечер работу няни, и она решила посидеть с малышом, вместо того чтобы идти на танцы. Мне пришлось отправляться туда одной. Не потому, что мне очень хотелось. Папа часто поддразнивал меня, что я никуда не хожу без Габби, вот я и решила доказать, что он не прав.

Почти весь вечер я простояла у стены, считая минуты до окончания бала. Скука смертная! Я едва не позвонила Габби, чтобы вытащить ее сюда, как только она освободится. Но Джесс Флинт весь вечер кружил посреди зала с Джессикой Кэмпос, а Габби была влюблена в Джесса. Сохла по нему уже не первый год. И я не могла поступить так с ней.

Мало-помалу парочки стали разбредаться кто куда. Я взглянула на поредевшую толпу и увидела у противоположной стены парня. Высокий и худощавый, с всклокоченными волосами. Поверх рубашки - свободно завязанный галстук. Парень поймал мой взгляд и решительно зашагал ко мне через зал.

- Итан Хановер, - протянул он мне руку.

- Ханна Мартин, - сжала я его ладонь.

Оказалось, он мой ровесник, только из другой школы. На бал он пришел по просьбе своей соседки, Кэти Франклин, у которой не было парня. Кэти я знала довольно неплохо, как знала и то, что она лесбиянка, которая не готова пока выложить родителям всю правду. Вся школа была в курсе того, что отношения между Кэти и Терезой Хокинс выходят за рамки дружеских. Что ж, подумала я, не будет вреда, если я пофлиртую с парнем, который тут всего лишь для прикрытия.

Но очень скоро мы разговорились так, что я напрочь забыла об окружающих. И когда рядом неожиданно возникла Кэти со словами, что им пора домой, мне хотелось вцепиться в Итана и не отпускать. Такое чувство, будто у меня отбирали что-то важное.

Через неделю у Итана намечалась вечеринка, и он пригласил меня к себе домой. Мы с Габби редко ходили туда, где было много народу, но на этот раз я уговорила ее пойти. Только я шагнула в дверь, рядом тут же нарисовался Итан. Он схватил меня за руку и потащил знакомиться с его друзьями. Габби притормозила у столика с закусками.

Потом мы с Итаном поднялись наверх. Мы сидели бок о бок на верхней площадке лестницы и болтали о своих любимых группах. Там же он в первый раз поцеловал меня.

– Я устроил эту вечеринку, только чтобы пригласить тебя, – признался Итан. – Скажешь, глупо?

– Ничуть, – покачала я головой и поцеловала его в ответ.

Спустя час или около того меня отыскала Габби. Губы у меня успели к этому времени опухнуть, а на шее красовался засос.

Через полтора года мы с ним стали близки. И для меня, и для Итана это был первый опыт сексуальной близости. Он все время повторял, как он меня любит, и спрашивал, удобно ли мне.

Я знаю, многие не любят вспоминать о том, как это произошло у них в первый раз. Слишком уж неловкими они были в силу своей неопытности. Для меня все прошло иначе. Это был не просто секс – мы с Итаном занимались любовью. Вот почему он навсегда останется в моем сердце.

А потом моя жизнь резко изменилась. Итан поступил в университет Беркли. Сару приняли в Школу Королевского балета. Мои родители собрали вещи и переселились в Лондон. Я переехала жить к Хадсонам. А в одно прекрасное августовское утро, незадолго до начала учебного года, Итан уселся в машину и отправился в Северную Калифорнию.

Мы продержались до конца октября, прежде чем окончательно расстаться. На тот момент мы убеждали себя, что это временная мера, что летом мы возобновим наши отношения.

Подозреваю, что подобными сказками утешают себя все студенты во всех университетах.

Я стала присматриваться к колледжам Бостона и Нью-Йорка, ведь жизнь на Восточном побережье позволяла чаще наведываться в Лондон. На Рождество, когда Итан приехал домой, я уже встречалась с парнем по имени Крис Родригез. Когда Итан объявился в городе на летних каникулах, у него уже была девушка по имени Алисия Фостер.

Последним ударом по нашим отношениям стало мое поступление в Бостонский университет.

Теперь между нами было три тысячи миль. И ни один из нас не горел желанием сократить это расстояние.

Время от времени мы с Итаном встречались – главным образом, на свадьбах наших общих друзей. Внешне мы держались совершенно непринужденно, но внутреннее напряжение не спадало. Казалось, мы оба мучились в душе мыслью, что не последовали собственной судьбе.

– По моим расчетам, ты пробыла в этом городе уже двенадцать часов, – говорит Итан. – Пора уже и повидаться.

– Думаю, мы сможем это устроить. Габби сказала, что вечером мы идем в бар, где-то там в Голливуде. Она уже наприглашала кучу наших друзей, и все для того, чтобы мне, как она сама заявляет, «было проще здесь обжиться».

– Ясно, – смеется Итан. – Отправь мне в сообщении время и место, и я там буду.

– Прекрасно.

Я уже начинаю прощаться, но в трубке снова звучит его голос.

- Эй, Ханна...

- Да?

- Я рад, что ты решила вернуться домой.

- Похоже, я уже исчерпала свой список городов, - улыбаюсь я.

- Ну, не знаю, не знаю... Мне так хочется верить, что ты просто повзрослела.

* * *

Я вытаскиваю вещи из чемодана и разбрасываю их по комнате.

- Клянусь, как только вернемся, приведу все в порядок, - обещаю я Габби и Марку. Они терпеливо ждут меня у дверей.

- Это же не показ мод, - говорит мне Габби.

- Это мой первый вечер в Лос-Анджелесе, - напоминаю я ей. - Хочу выглядеть как можно лучше.

Поначалу я остановила свой выбор на черной рубашке и черных джинсах, дополнив наряд длинными сережками. Но затем мне пришло в голову, что это Лос-Анджелес, а не Нью-Йорк. Как ни крути, тут гораздо теплее.

- Я просто хочу найти блузку полегче, - говорю я и начинаю рыться в вещах, которые уже разбросала по комнате. Обнаружив под завалами блузку на бретелях, я быстро переодеваюсь. Потом я надеваю туфли на каблуке и поправляю на голове пучок.

- Обещаю, как только вернемся, я сразу же приберусь.

Краем глаза я вижу, как Марк посмеивается надо мной. Он знает, что я не всегда выполняю свои обещания. Наверняка Габби успела предупредить его: «Не

удивляйся, если она устроит в своей комнате маленький бардак».

Думаю, впрочем, Марк смеется не потому.

– Для такой неорганизованной личности ты выглядишь очень собранно, – замечает он.

Габби улыбается.

– Это верно. Ты выглядишь просто бесподобно. Но женщину оценивают не по внешности, – добавляет она. Политкорректность – часть ее натуры. И я люблю ее за это.

– Спасибо вам обоим, – говорю я, шагая за Марком и Габби к машине.

Народу в баре не так уж и много. Мои друзья садятся за столик, а я иду за напитками. Пиво нам с Марком и бокал вина для Габби. Мне приносят счет на двадцать четыре доллара, и я тянусь за кредитной картой. Даже не знаю, сколько у меня там денег. По идее, должно хватить на первое время. Но жаться я не собираюсь – особенно если учесть, что Габби и Марк обеспечили меня бесплатным жильем.

Я приношу два пива и отправляюсь за вином. Вернувшись к столику, я вижу, что к нам присоединилась еще одна женщина. Я уже встречалась с ней пару лет назад на свадьбе у Габби и Марка. Зовут ее Кэтрин. Однажды она пробежала нью-йоркский марафон. У меня хорошая память на лица и детали. Но я давно научилась скрывать это. Людей пугает, когда посторонний человек выказывает такую осведомленность.

Женщина протягивает мне руку.

– Кэтрин, – представляется она.

Я тоже называю свое имя.

– Рада знакомству, – говорит она. – И добро пожаловать в Лос-Анджелес.

– Спасибо, – киваю я. – А знаешь, ведь мы уже встречались.

– В самом деле?

– Да-да, на свадьбе у Марка и Габби, – говорю я, будто бы припоминая. – Если не ошибаюсь, ты еще сказала, что бежала однажды марафон. То ли в Бостоне, то ли в Нью-Йорке.

– Верно, – улыбается она. – В Нью-Йорке. Ну и память!

Теперь Кэтрин смотрит на меня с симпатией. А если бы я сразу объявила: «Так мы уже встречались. На свадьбе у Габби и Марка. На тебе еще было желтое платье, и ты похвасталась, что бежала нью-йоркский марафон», – Кэтрин наверняка отнеслась бы ко мне с подозрением. Уж это-то я усвоила на собственном опыте.

В скором времени к нам присоединяются наши школьные подружки. Бринн, Кэйтлин, Эрика. При виде их я визжу от восторга. До чего приятно знать, что люди, с которыми ты общался в пятнадцать, по-прежнему тебя любят.

Затем приходят приятели Марка, и вот уже за столиком не протолкнуться.

Первое время я тяну пиво, а потом заказываю себе диетическую колу. Я слишком много пила в Нью-Йорке, в компании Майкла. Пора меняться.

Я отхожу от барной стойки и тут замечаю в дверях Итана.

Я и забыла, какой он высокий. На нем темные джинсы и синяя хлопковая рубашка. Волосы взъерошены, на лице – намек на щетину. В старших классах он был очень милым, а теперь и вовсе стал красавцем. Он явно из тех, кто с годами только хорошеет.

А у него тоже есть морщинки вокруг глаз?

Итан оглядывается, выискивая меня в толпе. Наконец взгляды наши пересекаются. Его лицо озаряется улыбкой.

Он стремительно шагает вперед и сжимает меня в объятиях. Я спешно ставлю напитки на барную стойку, чтобы, не дай бог, не расплескать.

- Привет, - говорит Итан.

- Ты здесь, - улыбаюсь я.

- Ты здесь, - смеется он.

Я обнимаю его в ответ.

- Как всегда прекрасна, - говорит Итан. - До чего же я рад тебя видеть!

- Спасибо за комплимент.

Тут к нам подходит Габби.

- Габби Хадсон. - Итан наклоняется, чтобы обнять ее.

- Итан! Давненько я тебя не видела.

- Пойду куплю себе что-нибудь выпить, а через минутку присоединюсь к вам.

Я киваю, и мы с Габби возвращаемся к столику.

Она вопросительно смотрит на меня.

Я многозначительно киваю головой.

Целая беседа без единого слова.

В баре уже полно народу. Да и музыка гремит так громко, что расслышать друг друга - целая проблема.

Я как раз пытаюсь понять, что говорит мне Кэйтлин, когда к столику подходит Итан. Пристроившись рядом со мной, он берет в руки пиво и поворачивается к Кэтрин. Я вижу, как Итан жестикулирует, будто пытаюсь рассказать какую-то шутку. Кэтрин заливается смехом.

А она симпатичнее, чем мне казалось. На первый взгляд она кажется довольно простенькой, но если присмотреться, то она очень даже ничего. Длинные светлые волосы свободно падают ей на плечи. Платье нежно-голубого цвета подчеркивает изящную фигурку. Такой даже лифчик не нужен.

Сама я без лифчика из дома ни ногой.

Габби хватает меня за руку и тащит танцевать. К нам тут же присоединяется Кэйтлин, за ней – Эрика и Бринн. Через пару мелодий рядом пристраиваются Итан и Кэтрин. Марк по-прежнему потягивает пиво.

– Он что, совсем не танцует?

Габби лишь пожимает плечами. Я поворачиваю голову и вижу, как Кэтрин в упоении кружится с Итаном.

А если и домой они уедут вместе?

Габби тянет меня за руку, возвращая к реальности. Она пытается что-то сказать, но за шумом ее совсем не слышно.

– Пошли, подышим свежим воздухом! – кивает она в сторону двора.

Улыбнувшись, я иду за ней.

Переступив через порог, мы оказываемся совсем в ином мире.

Здесь тихо – гораздо тише, чем в баре, где непрерывно гремит музыка.

– Ну, как ты себя чувствуешь? – спрашивает Габби.

- Прекрасно. А в чем дело?

- Да так, - качает она головой.

- Стало быть, Марк не танцует? - спешу я поменять тему. - Ты же так любишь танцевать! Ну что бы ему стоило пригласить тебя?

Габби лишь морщит носик.

- Танцы - это не про него. Но я не переживаю. Никто не совершенен... разве что мы с тобой, - с улыбкой добавляет она.

Дверь бара открывается, и во дворик спускается Итан.

- Что это вы, девчонки, здесь делаете? - спрашивает он.

- Представляешь, Марк не танцует, - сообщаю я ему.

- Пойду попытаюсь хоть немного расшевелить его, - говорит Габби и скрывается за дверью бара.

Я остаюсь наедине с Итаном.

- Похоже, ты слегка замерзла, - говорит он, присаживаясь на пустую скамейку. - Я бы предложил тебе свою рубашку, но под ней ничего нет.

- Да, не стоит нарушать здешний дресс-код, - киваю я. - Ничего, сама виновата. Решила, раз уж я в Лос-Анджелесе, так почему бы не одеться полегче? Вот только...

- Вот только на дворе февраль. И это Лос-Анджелес, а не экватор.

- Даже странно, до чего незнакомым кажется этот город, ведь я прожила здесь столько лет, - я усаживаюсь рядом с Итаном.

- Так-то оно так, но ты уехала, когда тебе было восемнадцать. А сейчас тебе почти тридцать.

- Двадцать девять, если не возражаешь.

- До чего же здорово, что ты вернулась, - смеется Итан. - Мы не жили в одном городе уже... да, почти тринадцать лет.

- Теперь я и вовсе чувствую себя старушкой.

- Как ты? - с улыбкой спрашивает Итан. - Все в порядке?

- Да, просто мне надо кое-что обдумать.

- Не хочешь поговорить об этом?

- Может быть. Попозже.

- Попозже, - кивает он. - Я с радостью тебя выслушаю.

- Что у вас с Кэтрин? - спрашиваю я с нарочитой небрежностью.

- Ничего, - качает он головой. - Просто она заговорила со мной, ну а я был рад поддержать разговор. Я пришел сюда не ради нее, - улыбается он.

Взгляды наши встречаются. Итан смотрит так, будто я - единственная женщина во всем мире. Интересно, он на каждую свою знакомую смотрит таким взглядом?

Тут он наклоняется и целует меня в щеку.

Лишь теперь я понимаю, что провела много лет, безуспешно пытаюсь встретить схожие ощущения. Я бросалась из романа в роман и даже завела интрижку с женатым мужчиной ради того волшебного чувства, когда сердце выпрыгивает у тебя из груди.

Может, сделать еще шаг? Повернуться и поцеловать его в губы?

Дверь бара открывается. На пороге стоят Габби и Марк.

- Привет, - Габби бросает взгляд в нашу сторону. - Ох, прошу прощения.

- Все в порядке, - говорю я.

Итан с улыбкой поднимается со скамьи.

- Ты, как я понимаю, Марк? - Он жмет ему руку. - Похоже, это наша первая встреча.

- Точно. Рад знакомству.

- Мне очень жаль, - говорит Габби, - но нам пора домой.

- Мне надо завтра на работу, - поясняет Марк.

- В воскресенье? Да еще и утром? - уточняю я.

- Да, образовалось одно дельце...

Я смотрю на часы. Время перевалило за полночь.

- Конечно, - я встаю со скамейки.

- Если хочешь, я сам подброшу тебя до дома, - говорит Итан. - При условии, конечно, что ты решишь задержаться подольше.

По лицу Габби пробегает лукавая улыбка.

Я тоже мысленно улыбаюсь. Неужели все это так очевидно?

Вернувшись в Лос-Анджелес, я не просто поставила себя перед необходимостью создать новую жизнь. Пришла пора ответить на один важный вопрос: можем ли мы с Итаном рассчитывать на продолжение давних отношений?

Все эти годы каждый из нас жил своей жизнью. Но все вернулось на круги своя. Мы вновь флиртуем как ни в чем не бывало, пока другие развлекаются и танцуют.

Стоит ли начинать все заново? Стоит ли ехать с ним домой в расчете на продолжение отношений?

Наша жизнь состоит из бесчисленного множества решений, и далеко не все они играют судьбоносную роль. Скорее всего, я все равно окажусь там, где мне суждено оказаться.

Судьба сама найдет меня.

И я решаю...

* * *

Итак, я решаю ехать домой с Габби.

Не хочу торопить события.

Я обнимаю на прощание Итана. Сквозь двери бара доносится голос диджея, который объявляет новую песню. Мадонна, «Прояви себя»[1 - «Express Yourself» (англ.)]. Обожаю эту вещь. Мы с Сарой могли слушать ее бесконечно.

Может, не стоит торопиться? Такое чувство, будто сама вселенная предлагает мне остаться и потанцевать.

Но решение уже принято.

– Мне пора домой, – говорю я Итану. – Уже поздно, а я хочу приспособиться к местному времени.

– Понятно, – улыбается он. – Рад был повидаться.

– Я тоже. Ну что, я перезвоню?

Итан кивает и обнимает на прощание Габби. Потом пожимает руку Марку.

– Уверена, что не хочешь задержаться? – шепчет он мне на ухо.

Я качаю головой.

– Прости, – говорю я с виноватой улыбкой.

Он легонько вздыхает, словно признавая свое поражение.

Мы возвращаемся в бар, чтобы попрощаться с остальными. С нашими подружками и всеми, кто был с нами в этот вечер.

– Я-то думала, ты решишь остаться с Итаном, – говорит Габби, шагая рядом со мной к машине.

– Плохо ты меня знаешь!

Габби окидывает меня скептическим взглядом.

– Ну ладно, дело не в этом. Просто я считаю, всему свое время. Может, нам с Итаном и суждено быть вместе, но я не хочу торопить события.

– Так ты хочешь, чтобы вы снова были вместе?

– Не знаю, – честно признаюсь я. – Возможно. Когда-нибудь. Думаю, это было бы правильным шагом с моей стороны.

Мы усаживаемся в машину, и Марк говорит Габби, что собирается объехать пробки.

– Хорошо, – кивает Габби и тут же спрашивает у меня, не доводилось ли мне слышать про инсталляцию «Огни большого города», которая находится в Музее искусств Лос-Анджелеса.

- Что-то не припомню, - говорю я.

- Думаю, тебе понравится. Мы все равно поедем мимо, так что будет шанс взглянуть. Чем больше интересного ты увидишь, тем проще тебе будет заново влюбиться в Лос-Анджелес.

- Ты меня заинтриговала.

- Принято думать, что в Лос-Анджелесе нет своей культуры, - продолжает Габби. - А я надеюсь доказать тебе обратное.

- Ты забываешь, что я прожила здесь почти двадцать лет.

- Кстати, - поворачивается она ко мне, - как твои родители? Как Сара?

- У мамы и папы все хорошо. Сара танцует в Лондонском балете. Живет она со своим парнем, Джеймсом. Сама я с ним не встречалась, но родителям он нравится. Дела у отца идут неплохо, так что мама может позволить себе работать на полставки.

Родители не дают мне денег на жизнь, но каждый Новый год я получаю такую крупную сумму, что это вполне можно назвать рождественским бонусом. Словом, наша семья не из бедных.

Я смотрю на пробегающие за окном улицы. Мы в той части города, которую я знаю не так уж хорошо.

- Ну как, неплохо сегодня повеселилась? - спрашивает Габби.

- Да, было здорово. Похоже, Кэйтлин скинула килограммов пятнадцать?

- Вроде того, - откликается Габби. - Она хорошо справляется. Впрочем, она и до этого неплохо справлялась. Женщины не обязаны быть стройненькими, чтобы их ценили.

Я прячу улыбку. Впрочем, что тут смешного? Ценность женщины и правда определяется не ее фигурой. Кэйтлин ничуть не изменилась после того, как сбросила свои килограммы.

Забавно лишь то, что Габби не терпится высказать это вслух.

Раздается звончок. Габби быстро читает сообщение и тут же прячет от меня телефон.

- Что там такое? - интересуюсь я.

- О чем ты?

Врать она так и не научилась.

- Что за сообщение?

- Да так, ерунда.

- Дай-ка взгляну.

Габби неохотно протягивает мне телефон. Я читаю сообщение. Оно от Кэтрин.

«Еду домой с Итаном. Я очень легкомысленная?»

Сердце у меня болезненно сжимается. Я молча возвращаю телефон Габби.

- Эй, - окликает она меня.

- Все в порядке. Я ничуть не расстроилась. - Голос у меня предательски дрожит.

- Правда?

- Все в порядке, - повторяю я. - Никто не запрещает ему встречаться с другими женщинами.

Счастье еще, что я решила ехать домой с Габби.

- Не хочу быть для него девочкой на одну ночь. Так что все к лучшему, Габби.

Она недовольно хмурится.

Я громко смеюсь, будто смех может прикрыть меня от ее жалости.

- Итан - прекрасный парень. Я и сама это знаю. Но мне не нужны одноразовые отношения.

Я снова бросаю взгляд в окно, но тут же поворачиваюсь к Габби.

- Мне нравится Кэтрин, - говорю я. - Она очень приятная женщина.

- Вообще-то, - раздается голос Марка, - я не в курсе твоих отношений с Итаном. Но если парень спит с другой женщиной, это еще не значит...

- Да-да, я знаю. И все же мне ясно, что эту страницу нашей истории лучше перелистнуть. Мы встречались вечность назад. Зачем ворошить прошлое?

- Хочешь, поговорим о чем-нибудь еще, - предлагает Габби.

- Давай, если ты не против.

- Почему бы нам не позавтракать утром в городе, пока Марк будет на работе?

- Пожалуй, - говорю я, снова поворачиваясь к окну. - Хорошая мысль.

Тут Габби и Марк принимаются жонглировать названиями ресторанов, о которых я даже не слышала.

Марк спрашивает, какие завтраки мне нравятся - сладкие или в традиционном стиле.

- Имеешь в виду, оладьи или яичница?

– Вроде того, – кивает он.

– Она любит булочки с корицей.

– Обожаю булочки с корицей.

Мы с Габби произносим это в один голос.

В детстве мы с папой часто ездили в булочную «У Примо». Там продавали восхитительно теплые, пышные булочки с корицей. Каждое воскресенье я обязательно завтракала такой булочкой.

Позже, когда я переехала к Габби, Тина покупала упаковку булочек из сырого теста и запекала их по выходным. Снизу они все время подгорали. Но даже не самая удачная булочка с корицей – лучшая в мире булочка.

– И побольше сахарной глазури, – говорю я Марку. – И плевать на калории! Габби, если хочешь, я попытаюсь отыскать «У Примо», чтобы мы могли там позавтракать.

– Прекрасно, – кивает она. – Ну что, мы почти у музея. Смотри вперед. Видишь огни?

Я вглядываюсь в окно. Перед самым музеем мы тормозим на красный свет, и я наблюдаю открывшуюся передо мной картину.

Огоньки уличных фонарей, выстроившихся плотными рядами. Это не те фонари, которые освещают наши улицы сегодня, а их предшественники – такие старомодные и такие прекрасные.

Я внимательно разглядываю инсталляцию. В этой простоте есть своя красота. Свет фонарей на фоне чернильно-черной ночи. Волшебство, да и только.

– Может, выйдем из машины? – предлагает Габби. – Марк, нельзя ли нам быстренько сфотографироваться? Как-никак, это первый вечер Ханны в Лос-Анджелесе.

Марк согласно кивает. Дождавшись зеленого света, он паркуется у тротуара. Мы вылезаем из машины и идем к центру инсталляции.

Марк достает телефон и начинает фотографировать нас с Габби.

Вот мы стоим в обнимку на фоне фонарей. Вот целуем друг друга в щечку. Вот сверкаем «голливудскими» улыбками. Потом я предлагаю сфотографировать Марка и Габби.

Мы с Марком меняемся местами, и я пытаюсь сделать снимок поэффектнее. Но для этого мне надо отойти подальше, чтобы фонарь тоже попал в кадр. Я пчусь на край тротуара, но и этого недостаточно. Что ж, подождем, пока загорится зеленый.

– Секундочку, – говорю я Габби и Марку.

Зажигается фигурка пешехода, и я выхожу на проезжую часть. Наконец-то! Теперь я могу сделать по-настоящему хороший снимок. Я жму на кнопку и проверяю фото. На всякий случай стоит сделать еще одно.

Когда раздается скрежет шин, бежать уже поздно.

Меня отбрасывает на край дороги.

Удар, а за ним невыносимая тишина.

Я смотрю на фонари. Смотрю на Габби и Марка. Они бросаются ко мне – в глазах ужас, рты приоткрыты. Видимо, они что-то кричат, но я не слышу ни звука.

Я не чувствую ровным счетом ничего.

Габби склоняется надо мной. Марк куда-то звонит.

Голова у меня невыносимо тяжелая. На грудь давит так, будто на меня обрушился весь мир.

Габби ужасно напугана.

- Все в порядке, - говорю я ей. - Не волнуйся. Все хорошо.

Она продолжает смотреть на меня в немом ужасе.

- Все будет хорошо, - повторяю я. - Ты мне веришь?

Потом лицо ее расплывается, мир вокруг блекнет, и я погружаюсь в
беспамятство.

* * *

Итак, я решаю остаться с Итаном.

Почему бы не провести этот вечер с хорошим парнем?

Я прощаюсь с Габби и Марком. Из бара до меня доносится песня Мадонны -
«Прояви себя», и я понимаю, что сделала правильный выбор. Когда-то мы с
Сарой заслушивались этой песней, подпевая ей во все горло.

- Ты же не против? - обнимаю я Габби. - Я просто хочу немного повеселиться.
Хочу посмотреть, чем все закончится.

- Что ты, я только рада, - отвечает она, пока я прощаюсь с Марком. По лицу ее
пробегают легкая улыбка. Потом они поворачиваются и уходят.

- Ну что, - спрашивает Итан, - вся ночь в нашем распоряжении?

- Потанцуешь со мной? - говорю я.

Он с улыбкой открывает дверь и пропускает меня вперед.

Мы танцуем с минуту или около того. Потом песня заканчивается, а на смену ей
приходит другая. В новой мелодии есть что-то латиноамериканское, так что все

мое тело начинает двигаться в такт музыке.

Итан тут же пристраивается рядом. Песня сменяется песней, а мы танцуем, забыв обо всем. Время от времени я ловлю на себе его взгляд и невольно краснею.

Ближе к закрытию, когда танцы заканчиваются и публика начинает разбредаться по домам, я окидываю взглядом бар и понимаю, что все наши знакомые уже ушли.

Итан хватает меня за руку и тащит на улицу. После шумного бара мир вокруг кажется тихим и приглушенным. Я мигаю, пытаюсь привыкнуть к новым ощущениям. И тут же отвлекаюсь на боль в ногах. Похоже, танцы не прошли для меня даром.

Итан быстро шагает по сияющей огнями улице.

- Где ты оставил машину? - спрашиваю я.

- Я пришел пешком. Я живу в паре кварталов отсюда. Идем, - говорит он, - у меня есть неплохая идея.

Я пытаюсь угнаться за ним, но боль в ногах дает о себе знать.

- Постой-ка, - я наклоняюсь и снимаю туфли. Бетонный тротуар не назовешь чистым, но шагать на каблуках просто нет сил. Я беру туфли и спешу за Итаном.

Тот бросает взгляд на мои ноги и застывает на месте.

- Что ты делаешь?

- У меня до того болят ноги, что я не могу идти в туфлях. Все в порядке, - говорю я, - пошли.

- Хочешь, я понесу тебя?

Я невольно смеюсь.

- Что тут смешного? – спрашивает он. – Я и правда могу нести тебя на руках.

- Все в порядке, – повторяю я. – Это не первый раз, когда я шагаю босиком по городским улицам.

Он тоже смеется и снова пускается в путь.

- Как я уже сказал, ко мне пришла замечательная идея.

- Правда?

- Ты сегодня много танцевала...

- Да уж.

- Еще ты пила...

- Совсем капельку.

- Но кое-что ты так и не успела сделать.

- Это что же?

- Поеть.

Как только он произносит это, рот у меня мгновенно наполняется слюной.

- А где тут можно поеть? – спрашиваю я.

Итан тащит меня вперед, в сторону перекрестка. До меня вдруг доносится запах чего-то прожаренного, с дымком.

Я бросаю на Итана вопросительный взгляд.

- Бекон, - поясняет он, - в тесте. Хот-доги.

На тротуаре стоит ничем не примечательная палатка. Вокруг толпится народ. Итан пробивается вперед и заказывает два хот-дога. Потом возвращается и сует мне под нос ароматную булочку.

- Только понюхай! Ну что может быть восхитительней, чем запах жареного бекона? Особенно когда ты голоден.

И тут я с ним полностью согласна!

Мы вновь пускаемся в путь и очень скоро попадаем в жилой квартал. Шум машин затихает, и до меня вдруг доносится стрекот сверчков. Сверчки в центре мегаполиса. Еще одна особенность Лос-Анджелеса, о которой я напрочь забыла.

Вдоль улицы, насколько хватает глаз, тянутся высоченные пальмы. Итан присаживается на каменный бордюр - спиной к дереву, ноги на тротуаре. Я сажусь рядом.

- Отдай мне мой хот-дог, - протягиваю я руку.

Итан протягивает мне теплый еще пакет.

- Спасибо, что купил мне ужин. Или завтрак. Не знаю, на что больше это похоже.

Кивнув, он начинает жевать свой хот-дог.

- Вообще-то, я совершил ошибку. Надо было взять еще колы.

Мир наконец приходит в фокус. Я лучше слышу. И вижу тоже лучше. А главное, я могу отдать должное этим вкуснейшим хот-догам.

- Знаю, что скажу банальность, но бекон действительно добавляет вкуса любому блюду.

- Верно, - кивает Итан. - Я проникся им еще в школе.

– Да уж, – смеюсь я. – Ты любил бекон еще в ту пору, когда он был просто продуктом для завтрака.

Итан тоже смеется. Затем лицо его грустнеет.

– С тех пор все изменилось. Бекон в хот-доге – чисто коммерческий прием. А знаешь, я ведь считаю себя изобретателем засахаренного бекона.

Я только посмеиваюсь, дожевывая свой хот-дог.

– Я серьезно. В детстве я часто поливал свой бекон кленовым сиропом. Кленовый сироп плюс бекон – вот вам и засахаренный бекон. Приятного аппетита, Америка!

– Боюсь разочаровать тебя, – говорю я со смешком, – но многие делали так годами. По всей стране люди подслащивали бекон кленовым сиропом.

– Ты просто меня убиваешь, – качает головой Итан. – Я-то считал это своим личным достижением.

– Да ладно, – смеюсь я. – Ты сейчас разговариваешь с женщиной, у которой нет ни дома, ни карьеры, да и денег в обрез. Так что не надо тут про личные достижения!

Итан внимательно смотрит на меня.

– Ты же это не серьезно?

В другой ситуации я бы предпочла отшутиться. Но шутки забирают столько сил!

– Не знаю, – качаю я головой. – Вообще-то это правда.

Итан скептически смотрит на меня, но я решаюсь идти до конца.

– Даже не думала, что все обернется в итоге подобным образом. Когда я смотрю на кого-то вроде Габби или тебя, мне кажется, что я безнадежно отстала от

жизни. Да ладно, не обращай внимания. – До меня вдруг доходит, что я сижу тут и жалуясь на жизнь. – Просто хочется найти наконец город, в котором я смогу осесть навсегда.

– Лично я считаю, что тебе лучше жить здесь, в Лос-Анджелесе, – говорит Итан. Под его пристальным взглядом мне становится как-то не по себе.

– Ну что, пойдём? – спрашиваю я.

Итан кивает.

– Да, пора возвращаться.

Мы встаем и оказываемся лицом друг к другу. Я отворачиваюсь первой.

– Давно хотел спросить тебя, – начинает Итан. – Почему мы тогда расстались?

От неожиданности я замираю. Ну и вопрос!

– Что взять с подростков? Они только и делают, что расстаются.

Я смеюсь, но напряжение не спадает.

– Так-то оно так, – говорит Итан, – но был ли у нас для этого серьезный повод?

– Повод? – улыбаюсь я. – Когда доходит до разрыва, подросткам не нужен повод.

Итан смеется и пускается в обратный путь. Я спешу следом.

– Ты разбила мое сердце, – говорит он, продолжая улыбаться. – Ты хоть знаешь об этом?

– Ну уж нет! – заявляю я. – Это мне разбили сердце. Ты бросил меня и уехал в колледж.

Итан скептически качает головой.

- Что за чушь! Ты первая порвала со мной.

- Даже не пытайся переписать историю, - смеюсь я. - Сама я хотела только одного - быть рядом с тобой.

- Подумать только, - Итан шагает медленно, чуть сгорбившись, - женщина разбивает тебе сердце, а через десять лет вешает это преступление на тебя.

- Ладно-ладно, не будем спорить, - говорю я.

- Ну уж нет, - возражает Итан. - Могу доказать, что я прав.

- И как же это, позволь узнать?

Я застываю на месте, скрестив руки на груди.

Итан тоже останавливается.

- Крис Родригез, - торжественно заявляет он.

Парень, с которым я крутила роман после Итана.

- Ну и что это доказывает? - говорю я.

- Ты первой сделала шаг к разрыву. Я вернулся домой на Рождество, чтобы при встрече упасть к твоим ногам, а меня тут же оглушили новостью про Криса Родригеза.

Я недоверчиво качаю головой.

- Крис не значил ровным счетом ничего. Я успела порвать с ним к тому времени, когда ты вернулся домой на летние каникулы. Я думала, может за эти три месяца мы...

Теперь настала очередь Итана недоверчиво качать головой.

Я смеюсь, пытаюсь спрятать замешательство.

- В любом случае, это уже не имело значения. Ведь на тот момент у тебя появилась Алисия.

- Только потому, что ты бросила меня ради Криса. Иначе я бы не стал встречаться с Алисией.

- Ты шутишь, - говорю я.

- В то время я этого не понимал. Мне казалось, я действительно люблю ее. Не так-то просто разобраться в своих чувствах, когда тебе всего девятнадцать.

- Может, ты и правда любил ее?

Итан качает головой.

- Она порвала со мной сразу после летних каникул. Сказала, ей нужен парень, для которого она станет единственной.

- В тебе она этого не нашла?

- Нет.

Мы молча смотрим друг на друга. Да и что тут скажешь?

- Получается, мы оба разбили друг другу сердце, - говорю я наконец.

- Тоже верно, - улыбается Итан.

Мы снова пускаемся в путь.

- Мы с Крисом даже не спали, - говорю я, останавливаясь на миг у светофора.

- Seriously?

– Да, – киваю я.

– А почему? – спрашивает Итан.

Я вздыхаю, пытаюсь подобрать нужные слова.

– Просто не могла переступить через себя, – говорю я наконец. – Трудно было допустить такую близость с кем-то, кроме тебя.

Только в двадцать один я решилась на секс с Дейвом, своим университетским бойфрендом. И то потому, что в противном случае меня сочли бы странной. Боюсь, со временем я утратила ощущение того, что секс – это нечто особенное. То, что связывает двух по-настоящему любящих людей.

– Уж ты-то точно не думал о воздержании, – не упускаю я возможности подколоть Итана.

Мне кажется или он действительно покраснел?

Итан ведет меня к дому на тихой, темной улочке.

– Тут ты меня поймала, – говорит он. – Стыдно признаться, но бывали времена, когда разрыв с любимой девушкой толкал меня в объятия других. Я знаю, что меня это не красит, зато я хотя бы не так остро чувствовал боль.

– Что есть, то есть, – киваю я.

Мы проходим в вестибюль и поднимаемся на второй этаж.

– Но это ничего не значило, – говорит Итан. – То, что я спал с Алисией, еще не значило, что ты мне безразлична. Я бросил бы все, чтобы быть с тобой. Если бы я только знал... ну, ты понимаешь.

– Да, – киваю я.

Итан открывает дверь и приглашает меня в квартиру. Это студия, но очень просторная. И очень уютная. Мне нравятся такие квартиры – опрятные, но не вылизанные до блеска. Мебель расставлена по местам, но кое-где заметна пыль. На кофейном столике – влажный след из-под чашки. Стены выкрашены в красивый голубовато-синий цвет. Напротив дивана – телевизор с огромным плоским экраном. На стенах полки, плотно заставленные книгами. Белье на постели сероватых, немарких тонов.

– Признаюсь, было трудно забыть тебя, – говорит Итан в продолжение нашей беседы.

– Правда? – откликаюсь я как можно беспечней. – Что же во мне было такого особенного?

Итан бросает ключи на столик.

– Три вещи, – говорит он.

Я выжидательно улыбаюсь.

– Во-первых, – загибает он палец, – ты всегда убирала волосы в пучок, совсем как сейчас. Но бывали моменты, когда ты распускала их, – он на мгновение умолкает. – Ты даже не представляешь, как мне нравилось смотреть на это. Тот волшебный миг, когда твои волосы падали вниз и рассыпались по плечам.

Руки у меня непроизвольно тянутся к пучку на голове.

– Ясно, – киваю я.

– Во-вторых, – продолжает он, – на вкус ты была как сахар и корица.

Я невольно улыбаюсь. Да уж, такое не придумаешь!

– Это из-за булочек с корицей.

– Наверное, – кивает Итан.

- Ну а что третье?

Я спрашиваю с некоторой опаской, как будто именно этот, неизвестный пока, факт должен пробудить в моей душе поток забытых чувств и эмоций. Тех давних ощущений, перед которыми ты совершенно бессилен.

- Ты пахла мандаринами, - говорит Итан.

- Апельсином с корицей, - поправляю я его.

- Точно, - кивает он. - От тебя всегда пахло апельсином с корицей.

Он наклоняется к моей шее.

- Тот же запах.

- А мне нравился твой запах, - говорю я, не двигаясь с места. - От тебя пахло «Тайдом».

- Мама пользовалась им при стирке, - улыбается Итан.

- Когда ты уехал, я нюхала твои старые футболки. Даже спала в них.

Итан внимательно слушает. Впитывает каждое мое слово. А затем подводит итог:

- Ты любила меня.

- Да. Я любила тебя до боли в груди.

Он наклоняется еще ближе.

- Я хочу поцеловать тебя.

У меня перехватывает дыхание.

– Ладно, – говорю я.

– Но я не хочу... мне бы не хотелось, чтобы это было чем-то мимолетным... на одну ночь.

– Я не знаю, что это, – говорю я ему, – но точно знаю, что не на одну ночь.

Улыбнувшись, Итан касается моих губ.

Поцелуй его поначалу легок и нежен, но уже через пару секунд мы тонем в желании. Губы Итана двигаются так же, как много лет назад, да и тело его ощущается совсем как тогда. Такое чувство, будто нам удалось повернуть время вспять.

Когда мы оказываемся наконец в его постели, кажется, будто мы вовсе не расставались. Не было нашей разлуки и его отъезда в университет. В моей жизни не было Криса Родригеза, а в жизни Итана Алисии Фостер. Меня не мучил холод Бостона и не томила жара Остина, не поливали дожди Портленда и Сиэтла. Да и Нью-Йорк со всеми его разочарованиями не сумел подпортить мне жизнь.

Похоже, мне удалось наконец-то принять правильное решение.

Три дня спустя

Я открываю глаза.

Голова у меня тяжелая. Мир вокруг будто подернут дымкой. Медленно, очень медленно возвращаюсь я к действительности.

Я лежу на больничной койке. Лежу вытянувшись, без движения. На меня смотрит светловолосая женщина лет сорока. На ней белый халат, в руках какая-то папка.

Похоже, раньше мы не встречались.

– Ханна? – произносит она. – Кивни, если слышишь. Не пытайся пока говорить. Просто кивни.

Я киваю. Даже это крохотное движение отзывается болью во всем теле.

– Ханна, меня зовут доктор Винтерс. Ты в больнице. Попала сюда после того, как тебя сбила машина.

Я снова киваю.

– Детали мы обсудим позже, а пока сосредоточимся на главном, хорошо?

Кивок. Что еще мне остается делать?

– Скажи, тебе сейчас очень больно? Оцени по шкале от одного до десяти, где десять – так плохо, что нельзя терпеть, а один – ни намека на боль.

Я пытаюсь заговорить, но она тут же останавливает меня.

– Покажи на пальцах. Не поднимай руки. Покажи, как есть.

Немного подумав, я поджимаю четыре пальца на левой руке.

– Шесть? – уточняет она. – Понятно.

Она записывает что-то в свою папку, после чего начинает колдовать у одного из аппаратов, который стоит рядом с кроватью.

– Понемногу мы сведем все к единице. – Она ободряюще улыбается мне. – Скоро ты сможешь двигать руками и телом. Да и говорить будет намного проще. Видишь ли, ты потеряла много крови... плюс многочисленные переломы. Так что с ходьбой поначалу будут проблемы. Придется как следует попрактиковаться, но со временем все наладится. Вот то, что тебе следует знать.

Я киваю. Боль ощущается уже не так сильно.

– Без сознания ты пробыла три дня. Сначала из-за травмы головы, а потом в результате наркоза. Тебе сделали операцию.

На мгновение она умолкает, после чего снова поворачивается ко мне.

– Ничего страшного, если ты не помнишь про этот наезд. Память вернется к тебе постепенно. Ты помнишь, как все произошло?

Я пытаюсь заговорить.

– Просто кивни или покачай головой.

Я с трудом качаю головой.

– Это нормально. Беспокоиться тут не о чем.

Я киваю.

– Как я уже сказала, о деталях твоей травмы и операции мы поговорим позже, когда ты немного придешь в себя. Но есть одна вещь, о которой тебе стоит узнать прямо сейчас.

Я внимательно смотрю на нее.

– Ты была беременна, – говорит она. – Когда тебя сбила машина, ты была беременна.

Она смотрит мою медицинскую карточку.

– Да, что-то около десяти недель. Ты знала об этом? Кивни или покачай головой.

Внутри все сжимается. Я медленно качаю головой.

Врач сочувственно кивает.

– Такое тоже не редкость. Если не пытаешься специально забеременеть, на этом сроке все может остаться незамеченным.

Я смотрю на нее, не в силах поверить услышанному.

– Увы, все закончилось выкидышем. В подобной ситуации это тоже не редкость.

Она смотрит на меня в ожидании реакции, но как тут можно отреагировать? В голове странная пустота. На душе тоже.

– Мне очень жаль, – говорит она. – Я знаю, это слишком много для одного раза. Но есть и хорошие новости... если ты, конечно, готова принять их. Пройдет совсем немного времени, и твое физическое состояние вернется в норму.

Я отвожу взгляд, но затем все-таки киваю.

Я не ослышалась? Она сказала, что я потеряла ребенка?

Я потеряла ребенка?

– Тут много желающих повидаться с тобой, – продолжает врач. – Они давно ждут, когда ты придешь в себя.

Я медленно закрываю глаза.

Мой ребенок.

– Я знаю, некоторым пациентам требуется время, чтобы собраться с мыслями. Они не готовы вот так сразу увидеться с родителями, подружками или сестрой.

– С родителями? – пытаюсь произнести я, но вместо голоса раздается невнятный хрип.

– Это из-за трубки, которая была у тебя в горле. Говорить поначалу будет трудновато, но со временем все пройдет. Начинай с малого – одного, двух слов вполне достаточно.

Я киваю. И тут же добавляю:

– Они здесь?

В горле и правда саднит.

– Да, твои мама с папой. Еще сестра. Габби, верно? Или... Сара? Прошу прощения, Сара – сестра, а Габби – подружка. Так ведь?

Я киваю и чувствую, как по лицу у меня расплывается улыбка.

– Так что, хочешь побыть одна или с близкими? Если одна, подними правую руку. С близкими, левую.

Несмотря на боль, моя левая рука взмывает вверх.

* * *

Я открываю глаза.

Голова у меня тяжелая. Мир понемногу приходит в фокус.

Я улыбаюсь. Широко и от души. Ведь прямо на меня смотрит Итан Хановер.

Легонько потянувшись, я снова зарываюсь лицом в подушку. До чего же мягкая у него кровать! Даже вылезать не хочется. Да я особенно и не стараюсь.

– С добрым утром, – улыбается Итан.

– С добрым утром, – откликаюсь я. Голос у меня со сна хриплый, будто простуженный.

– За все то время, что ты была здесь, тебе не довелось съесть ни одной булочки с корицей, – говорит Итан. – Три дня, потраченных впустую.

Волосы у него всклокочены, щетина на лице грозит перерасти в бородку. И еще кое-что не проходит незамеченным.

- У тебя пахнет изо рта, - с шутливым негодованием замечаю я.

Не сомневаюсь, что и мое дыхание свежим не назовешь.

- Нам обоим не мешает почистить зубы. - Я прикрываю ладошкой рот.

Итан пытается отнять мою руку, но я прячусь с головой под одеяло. Из одежды на мне - футболка Итана и трусики. Вчера я быстренько заскочила к Габби за бельем, а так мы не выбирались из дома с самой субботы.

Но Итан не сдается. Он снова хватает меня за руки и убирает их от моего лица.

- Я хочу поцеловать тебя, - сообщает он.

- Ну уж нет! Сначала мне надо почистить зубы.

- Ну что ты переживаешь из-за ерунды? От тебя воняет, от меня воняет. Будем вонять вместе.

- Прекрасно. - Я набираю в грудь побольше воздуха и выдыхаю ему в лицо.

- Фу-у, - морщится он. - Просто отвратительно.

- А если от меня будет пахнуть так каждое утро? Ты и тогда не захочешь расстаться со мной?

- Ни за что. - Он все-таки целует меня. - Ты не очень-то сильна в этой игре.

Мы придумали это развлечение еще в воскресенье. Что такого должно случиться, чтобы потушить ту искорку, которая вспыхнула между нами?

Мы перебрали немало вариантов. Оказалось, даже если я начну подражать Элвису и заставлю Итана ходить на все свои выступления, он и тогда не бросит

меня. Если я заведу в качестве домашнего питомца змею (и дам ей имя Бартоломей), то Итан и тут не захочет сбежать из нашего дома. Халитоз[2 - Халитоз (галитоз) – зловонное дыхание, неприятный запах изо рта.] его, судя по всему, тоже не напугает.

- А вдруг все белье, которое я отправлю в машинку, сядет при стирке?

И это уже не из области фантастики.

- Ничего страшного. - Итан выбирается из-под одеяла. - Я привык сам стирать свою одежду.

Он поднимает с пола джинсы и принимается натягивать их. Потом швыряет мне мои брюки. Я тоже встаю и начинаю одеваться.

- Куда мы идем? - спрашиваю я. - С какой стати мы вообще вылезли из постели?

- Я же сказал, все дело в булочках. Ты уже три дня не ела булочек с корицей.

Итан кладет в карман бумажник и направляется к двери. Я хватаю сумочку и спешу за ним. Мы спускаемся в гараж, и Итан распахивает передо мной дверцу машины.

- Ты стал настоящим джентльменом, - говорю я. - В прежние годы тебе бы и в голову это не пришло.

- Чего ты хочешь от подростка? - пожимает он плечами. - С тех пор я успел повзрослеть. Ну что, в путь!

- За булочками, - киваю я. - И чтоб побольше глазури!

Улыбнувшись, Итан выезжает за ворота.

- Твое желание для меня закон.

* * *

Папа сидит справа от меня и сжимает мою руку. Мама пристроилась у меня в ногах. Сара стоит у капельницы с морфием.

Габби тоже заглянула, но буквально на минутку. Обняв меня, она сказала, что вернется позже. По тому, как она украдкой вытерла глаза, я поняла – ей нужно время, чтобы прийти в себя.

Кажется, выгляжу я не лучшим образом.

Родители, да и Сара, смотрят на меня слегка остекленевшим взглядом. Похоже, они уже не раз сегодня принимались плакать. Все трое выглядят бледными и утомленными.

Мы не виделись с позапрошлого Рождества. В кои-то веки они сами прилетели в Лос-Анджелес. В последний раз мы собирались здесь вчетвером еще в то время, когда я училась в школе. После этого мне приходилось самой регулярно наведываться в Лондон.

Настал их черед выбраться в мой мир, в мою страну. В город, который когда-то был нашим.

– Доктор сказала, что ты уже скоро начнешь ходить. – Сара проводит пальцем по спинке кровати. – Что, как я понимаю, можно отнести к хорошим новостям. Не знаю... просто не знаю, что сказать.

Я ободряюще улыбаюсь ей.

На Саре черные джинсы и стильный свитер кремового цвета. Светлые волосы свободно падают ей на плечи. От природы у нее, как и у меня, волосы темно-каштановые, но я могу понять, почему Сара перекрасилась. Белый ей очень идет. Я тоже как-то поиграла в блондинку. Но кто ж знал, что каждые шесть недель надо наведываться в салон, чтобы подкрашивать корни! Где, скажите на милость, взять столько времени и денег.

Саре двадцать шесть. Фигура ее могла бы выглядеть более женственной, не танцуй она по многу часов в день. Благодаря танцам Сара стала мускулистой и в то же время очень гибкой. Держится она до того прямо, что может сойти за

работа.

Моя сестра из тех, кто во всем придерживается правил. Еще ей нравятся модные вещи и высокое искусство. И она, разумеется, завсегдатай дорогих ресторанов.

Несколько лет назад она подарила мне на Рождество сумочку от Бёрберри. Разумеется, я поблагодарила Сару и даже сделала все возможное, чтобы не привести ее подарок в негодность. Но уже к марту сумочка благополучно потерялась. Я немного попереживала, но одновременно испытала что-то вроде облегчения. Ну о чем она думала, когда дарила мне такую дорогущую сумку?

– Мы принесли тебе кое-что почитать, – говорит Сара. – Хорошие британские журналы. Попади я в больницу, мне бы точно захотелось полистать что-нибудь интересное.

– Я... мы так рады, что с тобой все в порядке. – Голос у мамы слегка дрожит. Кажется, еще немного, и она снова расплачется.

– Ну и напугала же ты нас, – добавляет она.

Из всей семьи только у мамы волосы светло-русые. А вот у отца шевелюра жгуче-черного цвета. Волосы у него густые и такие блестящие, будто напомаженные. В детстве я часто шутила насчет того, что он мог бы работать в рекламе гелей для волос. И только в колледже до меня дошло, что он и правда мог пользоваться одним из таких гелей.

В подтверждение слов моей мамы отец еще крепче сжимает мою руку.

Я киваю и улыбаюсь. Признаться, я чувствую себя немного неловко, ведь мне совсем нечего сказать им. Да, это близкие мне люди, и я люблю их, но особого тепла между нами нет.

– Мне хочется спать, – говорю я.

– Конечно, – тут же откликается мама. – Мы пока уйдем, чтобы ты смогла поспать.

Я киваю.

– Я оставлю это тут. – Сара достает из сумки стопку журналов и кладет их на столик у кровати.

Я улыбаюсь.

Потом они уходят.

Наконец-то я могу побыть одна.

Я была беременна.

Была.

Я потеряла ребенка, о существовании которого даже не догадывалась. Ребенка, который был мне совсем не нужен.

Ну как можно оплакать такое? Как можно горевать по тому, о чем ты даже не знал? Чего ты совсем не хотел... но что не становится от этого менее значимым?

Ребенок, которого больше нет.

Впервые за все время на мои глаза наворачиваются слезы.

Я потеряла ребенка.

Поток эмоций накрывает меня с головой. Я вслушиваюсь, пытаюсь понять, что говорят мне сердце и разум.

Я чувствую одновременно облегчение и опустошенность. Я напугана. Я сердита. И я не знаю, чем все это закончится.

Слезы градом катятся по моим щекам, а я не могу даже поднять руку, чтобы вытереть их о пижаму.

Голова болит от сдерживаемых рыданий. Я зарываюсь лицом в подушку, и она тут же становится мокрой от слез.

Дверь в палату открывается, но я так и не поднимаю головы. Мне и без того ясно, кто это.

Вздыхнув, она усаживается рядом со мной на постель. Габби.

Лишь тут я позволяю эмоциям прорваться наружу. Я плачу и чувствую, как они покидают меня. Страх, злость и замешательство. Боль и облегчение.

Меня сбили машиной. Кто-то врезался в меня со всего размаха. Переломал мне кости, порвал артерии и убил ребенка, которого я даже не успела полюбить.

Габби – единственный человек в мире, от которого я не прячу свою боль.

Она крепко обнимает меня, пока я рыдаю в подушку.

– Плачь, – говорит она. – Пусть все уйдет со слезами.

Мне так трудно дышать, что кружится голова.

Потом я поворачиваюсь и смотрю на Габби. Она тоже плачет.

И от этого мне становится легче. Как будто своим присутствием, своими слезами она забирает у меня часть боли.

– Дыши, – говорит Габби и делает пару медленных вдохов.

Я не сразу понимаю, о чем она. Лишь спустя мгновение до меня доходит, что я совсем не дышу. Воздух будто застрял у меня в груди. И вот я даю ему прорваться.

Я как будто выплевываю его из себя и судорожно набираю новую порцию. И вдруг ощущаю, что я жива.

Жива, несмотря ни на что.

– Я была беременна, – говорю я сквозь рыдания. – Десять недель.

Слова эти рвут меня изнутри, заставляя страдать еще больше.

Мне не надо говорить Габби, что я ничего не знала про ребенка. Не надо объяснять, что я не была к этому готова. Никакие слова тут не нужны.

Габби знает это не хуже меня. Ей и без слов все понятно.

Она крепко обнимает меня и слушает, как я плачу. А еще она регулярно напоминает о том, чтобы я дышала.

И я дышу. Ведь я живая. Да, напуганная. Да, покалеченная. Но живая.

* * *

Мы с Итаном кружим по кварталу в поисках парковки. Казалось бы, во вторник утром люди должны сидеть на работе. Но нет, вся улица забита машинами.

– Кстати, когда ты выходишь на работу? – спрашиваю я. Итан уже дважды отпрашивался под предлогом болезни.

– Завтра, – говорит он. – У меня осталось несколько дней от отпуска, так что это не проблема.

Ужасно не хочется, чтобы он выходил завтра на работу, но что тут поделаешь? Просто жаль разрушать тот уютный кокон, в котором мы спрятались от всего мира.

– А вдруг я объежусь булочками и растолстею до безобразия? Что тогда?

– Ты о чем? – Видно, что Итан слушает меня вполуха, пытаюсь отыскать хоть одно свободное место.

– Тогда все? Прощай наши отношения?

– Можешь не стараться, – смеется он. – Наши отношения – это навечно.

Я бросаю взгляд в окно.

– Я еще найду твое слабое местечко, мистер ХанOVER. Найду, чего бы мне это ни стоило.

Итан тормозит на красный свет.

– Я уже потерял тебя однажды и знаю, что это такое.

Загорается зеленый, и мы едем дальше.

– Тебе придется подыскать что-то по-настоящему серьезное, чтобы я согласился добровольно расстаться с тобой.

Я улыбаюсь в ответ. В эти дни я только и делаю, что улыбаюсь.

Наконец нам удастся найти свободный пяточок.

– Вот почему люди бегут из этого города, – говорю я, пока Итан втискивается в пространство между двух машин.

Мотор глохнет, и мы выбираемся наружу.

– И не говори. Я ненавижу этот город всякий раз, когда кружу, как стервятник, в поисках парковки.

– Ну да. В Нью-Йорке, по крайней мере, есть метро. В Остине можно припарковаться где угодно. Зато Лос-Анджелес не может похвастаться ни тем, ни другим.

– Везде свои заморочки. Так что не подыскивай повод, чтобы снова отсюда сбежать.

– Да я и не думала. – Я заливаюсь краской, как будто меня уличили в чем-то нехорошем.

Мы заходим в кафе и занимаем очередь. Прямо передо мной витрина с выпечкой. На верхней полке я вижу булочки с корицей. Огромные, в половину моей головы.

– Ого! – вырывается у меня.

– Да уж, – улыбается Итан. – Мне не терпелось привести тебя сюда с тех самых пор, как я наткнулся на это местечко.

– И как давно это было? – смеюсь я.

– Давненько. Только не надо шутить насчет того, что я был помешан на тебе все эти годы... тем более что я сам готов признать это. – Он делает шаг к кассе. – Булочку с корицей, пожалуйста.

– Подожди-ка, а тебе?

– Только взгляни на эту громадину, – говорит Итан. – Нам вполне хватит одной на двоих.

Поймав мой красноречивый взгляд, он смеется.

– Простите, – говорит он кассирше, – мы возьмем две булочки.

Я достаю кошелек, но Итан решительно пресекает мои попытки заплатить.

Мы берем воду и усаживаемся за столик. Осталось дожидаться, пока нам подогреют булочки.

– Скажи, ты бы попытался переспать с Кэтрин, не останься я с тобой в эту субботу?

Раньше я предпочла бы не задавать этот вопрос, но в последнее время я стараюсь чаще озвучивать то, что меня беспокоит.

Вопрос, похоже, застал Итана врасплох.

- О чем ты?

- Ты флиртовал с ней весь вечер. Признаюсь, меня это задело. Я просто хочу... мне важно знать, что мы - это мы двое... и никого третьего между нами быть не может.

- Поверь, для меня ты - единственная женщина в мире. Мне нужна ты и только ты.

- Но если бы я тогда не осталась...

Итан опускает стакан с водой и смотрит мне прямо в глаза.

- Послушай, я пришел в тот бар в надежде застать тебя одну. Я хотел поговорить с тобой, понять, что ты чувствуешь. Я перемерил кучу рубашек, прежде чем нашел подходящую. Я купил жевательную резинку... так, освежить дыхание. И с Кэтрин я танцевал только потому, что боялся заговорить с тобой. Понятия не имею, что бы я стал делать, если бы ты дала мне от ворот поворот. Но что бы я ни сделал, это лишь потому, что увидел бы твою незаинтересованность. Если ты заинтересована, то и я тоже. И только в тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

«Express Yourself» (англ.).

2

Халитоз (галитоз) – зловонное дыхание, неприятный запах изо рта.

Купить: https://tellnovel.com/reyd_taylor-dzhenkins/vozmozhno-v-drugoy-zhizni

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)